

DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-2-50-55

Синтаксис «поэта мысли»

(К 220-летию со дня рождения Евгения Баратынского)

Наталья Викторовна Патроева*Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Республика Карелия, Россия,
e-mail: nvpatr@list.ru*

Синтаксис «поэта мысли» Е. А. Баратынского, оказавший несомненное влияние на русскую философскую лирику XX столетия, демонстрирует углублявшуюся с течением времени тенденцию к усложнению и архаизации, что в целом противоречит устремлениям к демократизации поэтического слога, наметившимся в карамзинскую эпоху. Сложность синтаксического устройства на пути поисков поэтом «метафизического» языка достигается не путем увеличения активности сложных конструкций, составляющих половину используемых Баратынским предложений, но насыщением высказывания различными видами обособленных оборотов (причастных, деепричастных, адъективных, субстантивных, наречных, инфинитивных), осложняющими модель союзными синтагмами (предложно-падежными, сравнительными, присоединительными), парантезами, обращениями, сегментами типа «именительный темы». В стремлении сохранить преемственность поэтических традиций для вдумчивого, внимательного читателя Баратынский прибегает к архаизации слога на лексическом и грамматическом уровнях, в частности к абсолютным обособлениям. Сложные построения сопровождают чаще трехстопный ямб, трехсложные размеры, разностопные стихи, состоящие из более длинных и более коротких строк со сменой порядка ударения. Предложения с утяжеляющими движение стиха обособленными оборотами характерны для шестистопных ямба и дактиля – размеров с коннотацией «высоких» жанров. Более сложное синтаксическое устройство наблюдается в стихотворениях полиметрических и разностопных. Усложнение синтаксиса в длинноразмерных стихах достигается не приумножением числа частей сложных конструкций, а за счет обособлений и сочинительных однородных рядов. Большие строфические формы нередко членятся на несколько простых предложений длиной по две-три строки. Традиция поэтического ритма требует совпадения границ катрена и предложения – их симметрии, поэтому в четверостишиях, как и в двустишиях, гораздо больше осложненных и сложных конструкций. Вольная строфика или отсутствие строфического членения также способствуют усложнению синтаксиса.

Ключевые слова: *поэтический синтаксис; синтаксис стихотворного текста; синтаксис и метр; синтаксис и строфика; синтаксис и жанр; язык русской лирики XIX века*

Ссылка для цитирования: *Патроева Н. В. Синтаксис «поэта мысли» (К 220-летию со дня рождения Евгения Баратынского) // Русский язык в школе. – 2020. – Т. 81. – № 2. – С. 50–55. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-2-50-55.*

Syntax of the «Poet of Thought»

(To the 220th Anniversary of the Birth of Evgeny Baratynsky)

Natalja V. Patroeva*Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia,
e-mail: nvpatr@list.ru*

E. A. Baratynsky's influence on the 20th-century Russian philosophical lyrics is undeniable. The syntax used by the «poet of thought» demonstrates a tendency towards complication and archaization over time, which generally contradicts the aspirations for the democratization of the poetic syntax that emerged in the Karamzin era. The complexity of the syntactic structure in the poet's search for a «metaphysical» language is achieved not by increasing the number of complex structures, which make up half of the sentences used by Baratynsky, but rather by saturating sentences with various kinds of clauses (participial, adverbial participial, adjective, noun, adverbial, infinitive) that complicate the model by conjunctive syntagms (prepositional-nominal, comparative, conjunctive), parentheses, vocatives, segments of the «nominative of the theme» type. In an effort to preserve the continuity of poetic traditions for a thoughtful, attentive reader, Baratynsky resorts to archaizing the syllable at the lexical and grammatical levels and, in particular, to using absolute clauses. Complex constructions often accompany iambic trimeter, trisyllabic metres, variable-foot verses consisting of longer and shorter lines characterised by changing the order of stress. Sentences with cumbersome isolated clauses are typical for iambic and dactylic hexameter, metres with a connotation of «high» genres. A more complex syntactic structure is observed in polymetric and variable food poems. The added complexity of syntax in long-sized verses

is achieved not by increasing the number of parts of complex structures, but rather by adding clauses and homogeneous parts of the sentence. Large stanza forms are frequently divided into several simple sentences of two or three lines in length. The tradition of poetic rhythm requires a coincidence of the boundaries of quatrain and sentences – their symmetry; therefore, in quatrains, similar to couplets, the occurrence of complex and compound structures is much higher. Free stanza or the lack of stanza division additionally complicates the syntax.

Keywords: *poetic syntax; syntax of the poetic text; syntax and meter; syntax and stanza; syntax and genre; language of the 19th century Russian poetry*

A reference for citation: Patroeva N. V. Syntax of the «poet of thought» (To the 220th anniversary of the birth of Evgeny Baratynsky). In *Russkii yazyk v shkole [Russian language at school]*. 2020, vol. 81, No 2, pp. 50–55. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-2-50-55.

Русская лирика рубежа 1830-х и 1840-х гг. активно занималась поисками «метафизического языка»: в это время «философская поэзия... для ряда поэтов и некоторых поэтических группировок становится литературной программой» [Маймин 1976: 3], и новое направление развития лирического дискурса требовало выработки новых средств выражения. Как отмечала Л. Гинзбург, «поэзия мысли должна была заговорить новым языком о новых предметах» [Гинзбург 1974: 55]), и прежде всего на синтаксическом уровне, поскольку регистровый характер и коммуникативно-прагматический статус текста определяются именно синтаксическими параметрами: «К синтаксическому камертону подстраиваются орфографические, морфологические и лексические элементы, но эта подстройка не создает жесткой зависимости... Это соотношение и определяет приоритет синтаксиса» [Живов 2017: 328]. Творческие поиски Е. А. Баратынского, «Достоевского русской поэзии» (по меткому образному определению М. Н. Дарвина [Дарвин 1988: 119]), с его сложным для интерпретации «архаизированным, затрудненным языком» [Томашевский 1959: 404]¹, играли особую роль в процессе формирования «поэзии мысли».

Исследователи поэтического мира Баратынского уже обращали внимание на его синтаксис, осуществляющий «восхождение мысли», «ее органическое саморазвитие» [Кожин 1970: 63], и стих, звучащий «необычайно торжественно и величаво» [Кожин 1978: 97], однако эти общие замечания, касающиеся намеренной архаизации слога и усложнения грамматической структуры

произведений на позднем этапе творчества «поэта мысли», очевидно, нуждаются в подкреплении необходимой эмпирической базой, которая позволила бы уточнить средства создания оригинального стиля, этапы формирования «метафизического» языка в русской лирике, а также выявить связь синтаксического строения стихотворного текста с его композиционной и ритмо-метрической организацией. Материалы создаваемого с 2015 г. на кафедре русского языка Петрозаводского государственного университета «Синтаксического словаря русской поэзии» позволяют описать выбранные тем или иным поэтом из общезыкового тезауруса грамматические средства по целому ряду структурных, коммуникативных и семантических параметров².

Если распределить все используемые Е. Баратынским поэтические высказывания по структурно-грамматическому признаку, то получается следующая картина: предложения с одним грамматическим центром составляют половину конструкций, из них 28% неосложненных (к неосложненным причислены и предложения, содержащие однородные члены – расширители схемы, согласно концепции синтаксического словаря, поэтому к собственно грамматически элементарным моделям относятся только 22% всех конструкций Баратынского); 14% осложнены обособленными оборотами, обращениями, вводными или вставными элементами, присоединительными синтагмами, сегментами в виде именительного темы; примерно 27% конструкций – это бинарные сложные построения, 23% – многокомпонентные

¹ См. также: [Тойбин 1968: 366–367; Альми 1972: 25–44; Хетсо 1973: 539].

² См.: [Синтаксический словарь... 2017: 3–19; Патроева 2018а: 122–131; Патроева 2018б: 57–64].

структуры с одним или разными видами связи, но с преобладанием бессоюзия и сочинения; удельный вес чистых подчинительных связей в сложных предложениях не превышает 8%, в контаминации с сочинением и бессоюзием — 9%.

Сопоставление данных по синтаксису стихотворений Е. А. Баратынского с тенденциями, выявленными в ходе работы над «Синтаксическим словарем русской поэзии XVIII века», показывает, что грамматический строй русской лирики эпохи барокко и классицизма, по преимуществу одический, был сложнее, а сентименталисты (Карамзин, Дмитриев) существенно упрощают его в своих «средних» (элегия, послание) и «низких» (басня, эпиграмма) жанрах, так что в эпоху романтизма, в произведениях Баратынского в частности, поэтический синтаксис вновь усложняется — вероятно, прежде всего в поисках нового «метафизического языка», но не столько за счет увеличения доли многочастных построений, сколько путем иерархизации предикативных отношений в результате насыщения предложений различными осложнителями — обособленными оборотами, присоединениями, сегментами, вставками и вводными синтагмами (удельный вес осложненных предложений в качественном и количественном отношении растет в пушкинское время)³.

То, что именно поиски в области языка «поэзии мысли» спровоцировали увеличение доли сложных предложений с разными видами связи и осложненных предложений в лирическом дискурсе романтической эпохи, подтверждается анализом синтаксической организации синтаксиса позднего Баратынского — книги стихов «Сумерки» (1842), первого в русской поэзии цикла, в котором произведения не просто располагались по жанровому или хронологическому принципу, а формировали некое идейно-тематическое единство⁴: синтаксическая типология «Сумерек» демонстрирует существенное увеличение доли осложненных различными типами обособления предложений.

Баратынский 1820—1830-х гг. — для читательской публики прежде всего популярный автор оригинальных любовных элегий⁵, остроумных, едких эпиграмм во французском духе и насыщенных анакреонтическими, эпикурейскими мотивами дружеских посланий. Синтаксис стихотворений этого раннего периода в творчестве Баратынского очень разнообразен, но в целом производит впечатление большей легкости и прозрачности построения, чем грамматика «Сумерек», как, например, в «Унынии», где эмоциональные и короткие фразы чередуются с не слишком пространными сложными, включающими обычно не более 2—3-х предикативных частей, в 2—4 стиха длиной, высказываниями; см. например:

...Того не приобрести, что сердцем не дано,
Рок злобный к нам ревниво злобен:
Одну печаль свою, уныние одно
Унылый чувствовать способен! (75—76)⁶.

Однако уже в этот ранний период в стихах Баратынского, посвященных «вечным» вопросам бытия, тайнам судьбы, жизни и смерти, бытия и небытия, постепенно зарождается та грамматика идиостиля, которая со всей яркостью проявит себя в цикле «Сумерки». Например, послание «Богдановичу», посвященное тайнам поэтического ремесла, уже изобилует длинными, многочастными, в духе скорее классицистической, чем романтической поэтики периодами, насыщенными разнообразными обособленными оборотами, однородными рядами, придаточными частями:

Так, веку вопреки, в сей самый век у нас,
Сладкопоющих лир порою слышен глас,
Благоуханный дым от жертвы бескорыстной!.. (119).

Обращают на себя внимание рассыпанные по тексту послания средства диалогизации лирического монолога: не только обращения, но и активизировавшиеся в лирике пушкинской поры вводные конструкции, вставки, также свидетельствующие о «повышенной диалогичности поэтической речи» [Ковтунова 1986: 9], которая, по выражению Р. О. Якобсона,

³ См.: [Патроева 2002].

⁴ О циклообразующей роли единиц разных уровней текста в книге «Сумерки» см., например: [Дарвин 1988: 97—119; Фоменко 1984: 56—67].

⁵ См.: [Иваск 1957: 135—156; Nilsson 1979: 144—166].

⁶ Здесь и далее стихотворения цит. (с указанием страниц в скобках) по изд.: Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений. — Л., 1989.

«пропитана апеллятивной функцией» [Якобсон 1975: 203]. Часто тема раскрывается в стихотворении через столкновение идей, голосов, через скрытый и открытый диалог, подчеркивающий борьбу разных точек зрения, сомнения и колебания лирического героя. Активность риторических вопросов, восклицаний, обращений, вводных слов подчеркивает «повышенную» коммуникативность, диалогичность, внутренний драматизм поэзии молодого Баратынского.

Как и другие поэты пушкинского круга, ранний Баратынский выступал достойным продолжателем карамзинского направления и преемником достижений «школы гармонической точности» Жуковского и Батюшкова, основными стилистическими установками которой были требования чистоты и ясности поэтического выражения: «Что касается до слога, то мы для того пишем, — замечал сам Баратынский, — чтобы передавать друг другу мысли; если мы выражаемся неточно, нас понимают ошибочно или вовсе не понимают: для чего же писать?» [Баратынский 1951: 425]. Между тем стремление к адекватному воспроизведению лирического размышления языковыми средствами не всегда совместимо с простотой и лаконичностью выражения. Так, ясность слога достигается, в частности, «за счет предпочтительного употребления легко воспринимаемых синтаксических конструкций» [Федоров 1966: 10] в ранних поэтических опытах Баратынского, но задача воплощения богатого мыслью содержания необходимо требовала усложнения поэтической формы. По наблюдениям языковедов, «чем больше информации группируется вокруг одной точки времени и пространства, тем чаще писатель прибегает к широко развернутым синтаксическим периодам, насыщенным синтаксическими и семантическими конденсаторами...» [Кожевникова 1986: 305].

В конце 1830-х гг. в поэзии Баратынского начинается переходный период, когда в его лирике ясно обозначилось противоречие между «теснотой» формы и «расширяющимся содержанием» [Бочаров 1985: 80]. Итогом поисков на интенсивном пути насыщения малой лирической формы метафизическим содержанием стал цикл «Сумерки» с его «трудной» поэтикой, в которой уживается «наряду с простотой... сугубая сложность, семантическая

и синтаксическая» [Гинзбург 1974: 84]. С усложнением грамматики в стремлении «адекватно передать интеллектуальное» [Там же] стих Баратынского лишается прежних напевных интонаций, гладкости, возникают ритмические перебои и напряжение, растет число разноstopных строфических стихотворений, переносов (анжамбманов), удлиняется строка, что приводит к необходимости увеличивать долю усложнителей разных типов, а также союзных связей в тексте. Приведем в качестве иллюстрации только одну строфу «Осени» — стиливой квинтэссенции цикла:

...Пред промыслом оправданным ты ниц
Падёшь с признательным смиреньем,
С надеждою, не видящей границ,
И утолненным разуменьем,—
Знай, внутренней своей вовеки ты
Не передашь земному звуку
И лёгких чад житейской суеты
Не посвятишь в свою науку;
Знай, горняя иль дольная, она
Нам на земле не для земли дана. (188).

Синтаксис стихотворной формы, разумеется, тесно связан с метрикой и строфикой, поддерживается ими и сопротивляется им же. Сложные построения сопровождают чаще трехсложные размеры, трехstopный ямб, разноstopные стихи, состоящие из более длинных и более коротких строк со сменой порядка ударения. Предложения с утяжеляющими движение стиха обособленными оборотами очень характерны для шестистопного ямба с его философско-медитативным ореолом и шестистопного дактиля (в гекзаметре антологического эпиграмма) — размеров, которыми писались трагедии и героические эпопеи, с восходящей к классицистической традиции XVIII в. коннотацией «высоких» жанров.

Относительно «проще» устроены большие строфические формы, членившиеся часто на несколько простых предложений по 2–3 строки длиной. Традиция поэтического ритма требует совпадения границ катрена и предложения — их симметрии, поэтому в четверостишиях, как и в двустиишиях, уже гораздо больше усложненных и сложных конструкций. Вольная строфика или отсутствие строфического членения также способствуют усложнению синтаксиса.

Таким образом, синтаксис Баратынского эволюционировал не в проложенном

Карамзиным направлением демократизации и упрощения, а в прямо противоположном: грамматический строй лирики позднего Баратынского переусложнен, архаичен для пушкинского времени: в «Сумерках» Баратынский прибегает к устаревшим уже для начала 1840-х гг. абсолютным атрибутивным синтагмам, не согласованным с определяемым, оборотам с подлежащим внутри обособленной группы, соединению с помощью союза и причастного и деепричастного оборотов, обороту с примыкающим к причастию или прилагательному инфинитивом:

*С утра дней счастлив и славен,
Кто тебе, мой мальчик, равен? (200);
На путь ему выбежав из лесу волк,
Крутясь и подбегая щетину,
Победу пророчил... (191);
Сомкнул уста,
вещать полуотверсты... (180);
Кто одарил тебя жалом,
властным прервать самовольно
Мощно-крылатую мысль, жаркой любви
поцелуй? (198).*

Баратынский предугадывает тенденции стилистических поисков в лирике XX столетия (прежде всего Н. Заболоцкого, Л. Мартынова, И. Бродского, которые очень ценили романтическую «поэзию мысли» и не могли не отдать дань ее высоким достижениям). В «грамматике поэзии» позднего Баратынского особенно ярко высвечиваются черты, свойственные эпохе барочной и классицистической оды, стилю «плетения словес» старорусских книжников, «темным» языкам духовного гимна и псалма, библейского пророчества, церковной проповеди.

ЛИТЕРАТУРА

Альми И. М. О некоторых особенностях стиля поздней лирики Е. А. Баратынского // Ученые записки Владимирского государственного педагогического института. — Владимир, 1972. — Т. 41. — С. 25–44.
Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. — М., 1951.
Бочаров С. Г. «Обречен борьбе верховной» (лирический мир Баратынского) // Бочаров С. Г. О художественных мирах. — М., 1985. — С. 69–123.
Гинзбург Л. О лирике. — 2-е изд., доп. — Л., 1974.
Дарвин М. Н. Русский лирический цикл: проблемы истории и теории (на материале поэзии первой половины XIX в.). — Красноярск, 1988.

Живов В. М. История языка русской письменности: в 2 т. — М., 2017. — Т. 1.

Иваск Ю. Баратынский // New Review. — N.Y., 1957. — P. 135–156.

Ковтунова И. И. Поэтическая речь как форма коммуникации // Вопросы языкознания. — 1986. — № 1. — С. 3–13.

Кожевникова Кв. Формирование содержания и синтаксис художественного текста // Синтаксис и стилистика: сб. статей. — М., 1986. — С. 301–315.

Кожин В. В. Как пишут стихи: о законах поэтического творчества. — М., 1970.

Кожин В. В. Книга о русской лирической поэзии XIX века: Развитие стиля и жанра. — М., 1978.

Маймин Е. А. Русская философская поэзия: поэты-любомудры. А. С. Пушкин. Ф. И. Тютчев. — М., 1976.

Патроева Н. В. Поэтический синтаксис: категория осложнения. — Петрозаводск, 2002.

Патроева Н. В. Синтаксический поэтический словарь: теоретико-методологические основания лексикографического проекта // Славянская историческая лексикология и лексикография. — СПб., 2018а. — Вып. 1. — С. 122–131.

Патроева Н. В. Синтаксический словарь русской поэзии от Кантемира до Лермонтова: теоретико-методологические проблемы создания и некоторые итоги // Современные проблемы авторской лексикографии. — М., 2018б. — С. 57–64.

Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: в 4 т. / под ред. Н. В. Патроевой. — СПб., 2017. — Т. 1: Кантемир, Тредиаковский.

Тойбин И. М. Е. А. Баратынский // История русской поэзии: в 2 т. — Л., 1968. — Т. 1.

Томашевский Б. В. Стих и язык. — М., 1959.

Федоров А. И. Язык и стиль Е. А. Баратынского // Вопросы языка и литературы: сб. статей. — Новосибирск, 1966. — С. 3–26.

Фоменко И. В. О поэтике лирического цикла. — Калинин, 1984.

Хетсо Г. Е. А. Баратынский: Жизнь и творчество. — Осло; Берген, 1973.

Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сб. статей. — М., 1975. — С. 193–230.

Nilsson N. Baratynskij's elegiac code // Russian Romanticism: Studies in the Poetic Codes. — Stockholm, 1979. — P. 144–166.

REFERENCES

Almi I. M. On some features of the style of late lyrics E. A. Baratynsky. In *Uchenye zapiski*

Vladimirovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta [Scientific notes of the Vladimir State Pedagogical Institute]. Vladimir, 1972, vol. 41, pp. 25–44. (In Rus.)

Baratynsky E. A. Poems. Poems. Prose. Letters. Moscow, 1951. (In Rus.)

Baratynsky E. A. Complete collection of poems. Leningrad, 1989. (In Rus.)

Bocharov S. G. «Obrechnen bor'be verkhovnoi» (liricheskii mir Baratynskogo). In: *Bocharov S. G. About the art worlds*. Moscow, 1985, pp. 69–123. (In Rus.)

Ginzburg L. Oh the lyrics. 2nd ed. Leningrad, 1974. (In Rus.)

Darvin M. N. Russian lyric cycle: problems of history and theory (based on the poetry of the first half of the 19th century). Krasnoyarsk, 1988. (In Rus.)

Zhivov V. M. History of the language of Russian writing: in 2 vol. Moscow, 2017, vol. 1. (In Rus.)

Ivask Yu. Baratynsky. New Review. New York, 1957, pp. 135–156. (In Rus.)

Kovtunova I. I. Poetic speech as a form of communication. In *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics]. 1986, No 1, pp. 3–13. (In Rus.)

Kozhevnikova Kv. Formation of the content and syntax of a literary text. In *Sintaksis i stilistika: sbornik statei* [Syntax and style: collection of books]. Moscow, 1986, pp. 301–315. (In Rus.)

Kozhinov V. V. How do poems write: about the laws of poetic creativity. Moscow, 1970. (In Rus.)

Kozhinov V. V. A book on Russian lyric poetry of the 19th century: the development of style and genre. Moscow, 1978. (In Rus.)

Maimin E. A. Russian philosophical poetry: poets of any wisdom. A. S. Pushkin. F. I. Tyutchev. Moscow, 1976. (In Rus.)

Patroeva N. V. Poetic syntax: category of complications. Petrozavodsk, 2002. (In Rus.)

Patroeva N. V. Syntactic poetic dictionary: theoretical and methodological foundations of the lexicographic project. In *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Slavic historical lexicology and lexicography]. Saint-Petersburg, 2018a, issue 1, pp. 122–131. (In Rus.)

Patroeva N. V. The syntactic dictionary of Russian poetry from Kantemir to Lermontov: theoretical and methodological problems of creation and some results. In *Sovremennye problemy avtorskoj leksikografii* [Modern problems of author's lexicography]. Moscow, 2018b, pp. 57–64. (In Rus.)

Patroeva N. V. The syntactic dictionary of Russian poetry of the XVIII century: in 4 vol. Saint-Petersburg, 2017, vol. 1: Cantemir, Trediakovsky. (In Rus.)

Toibin I. M. E. A. Baratynsky. In *Istoriya russkoi poezii* [History of Russian poetry: in 2 vol.] Leningrad, 1968, vol. 1. (In Rus.)

Tomashevsky B. V. Verse and language. Moscow, 1959. (In Rus.)

Fedorov A. I. Language and style of E. A. Baratynsky. In *Voprosy yazyka i literatury: sbornik statei* [Questions of language and literature: collection articles]. Novosibirsk, 1966, pp. 3–26. (In Rus.)

Fomenko I. V. On the poetics of the lyrical cycle. Kalinin, 1984. (In Rus.)

Khetso G. E. A. Baratynskii: Life and creation. Oslo; Bergen, 1973.

Yakobson R. O. Structuralism: «for» and «against»: digest of articles. Moscow, 1975, pp. 193–230. (In Rus.)

Nilsson N. Baratynskij's elegiac code. In *Russian Romanticism: Studies in the Poetic Codes*. Stockholm, 1979, pp. 144–166. (In Rus.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Наталья Викторовна Патроева, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка, Институт филологии, Петрозаводский государственный университет; пр-т Ленина, д. 33, г. Петрозаводск, 185910, Республика Карелия, Россия

Natalja V. Patroeva, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Department of Russian Language, Institute of Philology, Petrozavodsk State University; 33 pr-t Lenin, Petrozavodsk, 185910, Republic of Karelia, Russia